

Н. В. Анисимов

**КОММУНИКАЦИЯ С МИРОМ МЕРТВЫХ
В ОБЫЧАЕ ВЗАИМОПОМОЩИ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ**

Статья посвящена анализу особенностей коммуникации с миром мертвых в традиционной культуре удмуртов на примере трех обычаев взаимопомощи – «*корка миськон*» (букв.: мытье избы), «*картошка мерттон*» (посадка картофеля), «*эзез вандон*» (букв.: заклание гусей). На основе полевых материалов и личных наблюдений определены специфика и функциональная сторона коммуникативного процесса; рассмотрены культурные коды и гендерный аспект в данных объектах традиционной культуры удмуртов.

Ключевые слова: обычай взаимопомощи, удмуртский фольклор, коммуникация с миром мертвых, коммуникант, посредник, культ предков.

В традиционной культуре удмуртов существует один из значимых обычаев безвозмездной помощи – «*веме*». Объединение общины или рода в единую рабочую группу было необходимо при выполнении различных срочных этапов хозяйственных работ. Здесь же, кроме социальных взаимоотношений, важную роль играют взаимоотношения с предками. Считается, что предки «способны изменить обстоятельства жизни живых в лучшую или худшую сторону в зависимости от отношения к ним» [10. С. 107]. Помимо этого, умершие, перейдя в разряд предков, могут управлять природными стихиями и преподносить урожай, приплод скота и другие ценности из мира мертвых в мир живых. Иначе говоря, предки тесно соотносятся с явлениями жизненного и космического планов [9. С. 119]. В связи с этим предков поминают и приносят им жертвы перед началом любой трудовой деятельности общины или отдельной семьи. Так, по традиционным воззрениям, считается особенно необходимым для удачного выполнения работы установление контакта с предками рода *перед, во время и после* обычая взаимопомощи.

Рассмотрим коммуникацию с миром мертвых на примере некоторых обычаев взаимопомощи южных удмуртов: «*корка миськон*» (букв.: мытье избы), «*кар-*

тошка мерттон» (посадка картофеля) и *«зэзег вандон»* (букв.: заклятие гусей). Выбор данных обычаев взаимопомощи обусловлен малой их изученностью, а также современным бытованием в традиционной культуре удмуртов.

Основу исследования составляют материалы, зафиксированные нами во время полевых экспедиций и личного наблюдения за период с 2008 по 2013 год в удмуртских деревнях Киясовского р-на УР.

Акцентирование внимания на материале избранной локальной традиции связано с сохранением в данном ареале традиционных воззрений, на культ предков. Киясовские удмурты почитают предков в обрядовой и повседневной жизни. По сей день во время какой-то срочной хозяйственной работы принято приходиться друг к другу на помощь и поминать предков, полагая, что они способны влиять на живых и, в соответствии с отношением к ним, помогают живым; либо наоборот – вредят, а в некоторых случаях даже мстят. Поэтому перед началом любой работы люди обращаются к предкам, приносят им дары в виде вина и хлеба либо выпечки. По завершении работы также необходимо благодарить предков за помощь. Кроме того, определенные манипуляции проводятся и в процессе работы. Так, в традиции соседних мари обращались к умершим родичам и считалось, что «во время тяжелых физических работ [люди] не устают, так как им помогают умершие души, они у них просят помощи <...>, то есть мысленно обращаются, приглашают вместе сделать работу» [15. С. 129].

Для более ясного и подробного изложения темы рассмотрим вышеназванные обычаи в отдельности.

«Корка миськон» (букв.: мытье избы). Весной, за неделю или две до Пасхи, хозяйки заранее оповещают друг друга, в какой день придти в тот или иной дом для уборки и мытья избы. В назначенный день и в назначенном доме собираются женщины, чаще одного рода. Перед началом работы хозяйка угощает пришедших помощниц чаем и выпечкой, на край стола ставит стопку с вином и горбушку хлеба / выпечку, тогда же обращается к предкам: *«Чеке*, пересьёсы. Тани коркамес миськиськом Быззым нунал азьын, каньыл, жадёнэз шёддытэк, мед орччоз ужмы. Тани тйледлы вина, нянь. Азяды мед усёз, иназ мед мыноз»*. – «Чеке, старики [мои]. Вот избы моем перед Пасхой, легко, не чувствуя усталости пусть пройдет наша работа. Вот вам вино, хлеб. Перед вами (букв.: пусть упадет), в пользу путь пойдет» [3]. После этого каждая женщина приступает к работе. Если в доме еще не прошли годовые поминки по недавно умершему человеку, то для него специально оставляют немытое пространство и обращаются к нему со словами: *«Тани, Марпапай, тынад паед. Миськы, утялты. Милемлы вождэ поттыса эн улы»*. – «Вот, тетя Марфа, твой пай. Мой, убирай. На нас зла не держи» [1]. В основе такой манипуляции лежат традиционные представления о том, что душа умершего до года пребывает с родными, поэтому до года полагалось относиться к его душе как живому члену семьи (приглашать покушать, помыться в бане, убираться; беречь себя, подавая пар в бане или пользуясь колюще-режущими предметами и проч.). У некоторых групп удмуртов запрещается

* По определению Т. Г. Владыкиной и Г. А. Глуховой, «чеке» – архаизм, деэтимологизированное слово в современном удмуртском языке, означающее словесную формулу-восклицание как начало поминальной молитвы [10. С. 137].

делать дома большую уборку до истечения годовых поминок, чтобы случайно не навредить душе покойного. Так, в д. Оркино Алнашского р-на УР по этому поводу говорят следующее: «*Ымнырыз медаз мисьтійськы*». – «Лицо [умершего] не должно отмыться» [7].

После завершения уборки избы хозяйка снова накрывает на стол и угощает помощниц. Перед тем как встать из-за стола, она пригубляет из стопки вино, поставленное предкам перед началом работы, и благодарит гостей и предков за помощь: «*Тау, пересьёсы, юрттэмдылы. Таре чылкыт но чебер мед улом ни быдэс ар. Ужам кужыммы асьмелы ик мед кылёз, медаз быры*». – «Спасибо, старики [мой], за [вашу] помощь. Теперь в чистоте и красоте целый год пусть будем жить. Отработанная сила с нами же пусть останется, пусть не заканчивается» [2]. Потом передает эту стопку против солнца всем сидящим за столом; каждый пригубляет ее и произносит какие-то слова, чаще такие: «*Азяды мед усёз, иназ мед мыноз*». – «Перед вами (букв.: пусть упадет), в пользу пусть пойдет» [2]. Горбушку хлеба /стряпню, поставленную в честь предков, дают домашним животным, обычно собаке. Здесь животные, в частности собака, служат посредниками, обеспечивающими коммуникацию, иначе говоря – «передают» просьбы и дары пославших представителям иного мира.

В завершение обычая все моются в бане и договариваются, к кому в следующий раз пойдут мыть избу.

«Картошка мерттон» (посадка картофеля). Ни одна сельскохозяйственная работа также не обходится без взаимопомощи общины и не начинается без предварительного молитвенного обращения к богам и предкам. Так, даже на обычную, казалось бы, посадку картофеля приходят родственники и соседи, чтобы помочь быстрее завершить работу. Перед началом посадки картофеля хозяйка или пожилой член семьи ставят на стол каравай хлеба и, повернувшись на восток, обращается с такими словами: «*Остэ, Иньмаре! Канчилик сёт ужасьёсмылы, жадёнэз валатэк мед ужалозы*». – «Господи, Боже! Легкости даруй нашим рабочим, не чувствуя усталости пусть работают» [4]. После этого все пришедшие приступают к работе. Первые ряды обычно начинают сажать люди, которые считаются счастливыми, или – у них «легкая рука». После посадки все заходят в дом, где хозяйка уже ждет с накрытым столом. Начинается трапеза. Тогда же хозяйка или старший член семьи ставят для предков на край стола стопку с вином, предварительно наливая ее не как обычно, а наоборот, от себя. После этого действия хозяин или старший член семьи благодарят пришедших за помощь и, взяв стопку, предназначенную для предков, обращаются к богу и предкам: «*Остэ, Иньмаре! Мерттэм картошкамы таза мед удалтоз, мыжык бызэаесь мед луозы. Шуныт зор мед сётоз. Пересянос-песятос, азяды мед усёз. Чош сие-юэ, вождэс эн вае. Милемыз эн куштэлэ, котьку тазыы чош огмылы-огмы юрттійськыса улыны мед быгатомы*». – «Господи, Боже! Посаженная [наша] картошка крупной пусть уродится, размером с кулак пусть будут. Теплового дождя пусть [Бог] дарует. Бабушки-дедушки, перед вами пусть упадет. Вместе ешьте-пейте, на нас не сердитесь. Нас не покидайте, всегда так друг-другу помогая жить пусть сможем» [6]. Далее эта стопка пускается против солнца вокруг стола, и каждый

немного пригубляет, после чего все расходятся. Здесь и в предыдущем примере «неверного» наливания вина отражается идея зеркальности мира в традиционной культуре, основываясь на которую выполняются различные ритуальные и магические акты.

«Зазег вандон» (букв.: заклятие гусей). Поздней осенью в деревне собираются еще на один обычай взаимопомощи, связанный с заклятием домашней птицы (уток или гусей). Этих птиц удмурты разводили в большом количестве, поэтому при заклятии требовалась помощь нескольких человек. Хозяйка заранее сообщает родственникам, в какой день им придти на помощь. В назначенный день собираются помощники, чаще – это женщины. Заклятие гусей совершает обычно сама хозяйка, но может и другая женщина, которой хозяйка доверяет. По сообщению старожиллов, перед заклятием любого животного говорят особые слова: *«Анай-атайлэн йылолыз»*. – «Обычай матери-отца». Сейчас эти слова уже немногие произносят, а иногда и вовсе не знают их и их значения. Удмуртский краевед Николай Никифоров в статье «Зазег веме» пишет по этому поводу следующее: *«Котькудзэ вандэмлэсь азьло муми шыпыртыны косэ вал: «Кылемез мед удалтоз! Мыным сьёлык медаз лу, анай-атайёслэн йылолыз»*. – «Перед закалыванием каждого [гуся] мать просила шептать: «Оставшиеся [гуся] пусть приумножатся! Мне греха пусть не будет, обычай матери-отцов»» [11. С. 124]. Совершение данной манипуляции и произнесение определенной вербальной формулы служат, с одной стороны, защитой от возможного негатива умерщвления живого существа, с другой – упоминая предков в причастности к данному акту говорят о древности обычая, то есть это же действие выполняли раньше их предки.

Если требуется заменить старую гусыню / гуся, ее / его жертвуют предкам и при заклятии обращаются к ним: *«Персянос-персятос! Тани тйледлы шуса вир кисьтйсько. Кылем жазегъёсы анайзы кадь умой мед луозы»*. – «Бабушки-дедушки! Вот вам кровь проливаю. Оставшиеся гуся, как [их] мать, хорошими пусть будут» [5]. Потом немного крови пускают в землю, а остальную замораживают в глубокой тарелке для приготовления пищи во время поминок. Голову и ноги этого гуся также оставляют для поминок отдельно от других. Если в доме недавно умер человек, то, закалывая птицу, в вербальной формуле обращаются напрямую к его душе: *«Парас-нэнэй, тыныд вир кисьтйсько. Кылем жазегъёсы анайзы/атайзы кадь умой мед луозы. Вуоно арын эшишо но трос мед луозы»*. – «Прасковья-матушка, тебе кровь проливаю. Оставшиеся гуся как [их] мать / отец хорошими пусть будут. В будущем году ещё больше пусть будут» [5]. В обращении к покойному просят называть, помимо того, кем он приходится живому, еще и его имя, что, по утверждению информантов, гарантирует успешный контакт субъектов коммуникации двух миров. Из посвященных предкам / покойному головы, ног и крови домашней птицы хозяйка в какой-то из дней проводит семейные поминки, когда варит суп, кашу или стряпает кровяные перепечи, табани. После семейной трапезы голову, ноги и ритуальное блюдо (кашу с кровью или стряпню, суп) выносят в огород и опрокидывают в направлении запада или же бросают собаке. В данном случае действует принцип *pars pro toto* (часть вместо целого).

Согласно поверьям, часть целого (голова и ноги птицы / животного) «там», в мире мертвых, превратится в целое (тушу), а собака и дикие птицы в этом случае выступают медиаторами коммуникации. В принципе «часть вместо целого» Е. С. Новик справедливо усматривает «результат процесса кодирования сообщения: «часть» – это естественный знак целого, замена означаемого (т. е. имеющего значение «для меня») означающим (т. е. имеющим значение «для другого») по принципу метонимии» [13. С. 139].

Здесь же отметим, что имеющиеся сведения, касающиеся жертвоприношения водоплавающих птиц предкам / покойному, довольно неоднозначны. У одной группы удмуртов водоплавающие птицы считаются неуютной жертвой для предков, другие склонны считать, что такая жертва приемлема, но при соблюдении ряда условий. Так, исследователь закамских удмуртов Р. Р. Садиков пишет: «В последнее время лошадь заменена эквивалентом – парой гусей („пар зазег валлы чотлан“ – „пара гусей считается за лошадь“»)» [14. С. 170]. Необходимое условие при таком жертвоприношении, по замечанию ученого, – надевание уздечки на черепа гусей, как если бы это делалось при жертвовании большого животного (коня, лошади) [14. С. 171].

Таким образом, можно утверждать, что в обычае взаимопомощи различные коммуникативные ситуации направлены на гармоничные взаимоотношения между представителями мира живых и мира мертвых, и строятся они в основном как сочетание следующих кодов: вербального / акустического (словесные формулы с комментариями; обращение по имени к покойному; шептание и др.), акционального («инаковые» манипуляции, выполняющиеся по принципу зеркальности миров; оставление части вместо целого и т.п.) и атрибутивного (хлеб, алкоголь, кровь и проч.).

Особый интерес вызывает гендерная сторона коммуникации. Анализ собранного материала показал, что в установлении контакта с миром мертвых значительную роль играет женщина. Исследователи коми И. В. Ильина и О. И. Уляшев отмечают, что «женщина, тесно связанная с границей между жизнью и смертью (с рождением и проходами), традиционно представляется более близкой к иному миру, нежели мужчины» [11. С. 159]. Можно утверждать, что в рамках коммуникативного процесса по передаче информации персонаж женщины служит гарантом успешного контакта.

Также отметим, что коммуникация с миром мертвых в обычаях взаимопомощи направлена на моделирование деятельности коллектива, идеального миропорядка и успешности выполнения начатой работы. Возникающий при этом обмен информацией имеет «особую структуру коммуникации, связывающую двух субъектов, один из которых при помощи цепочки знаков стремится управлять поведением второго в выгодном для себя направлении» [13. С. 296]. В данном случае в форме словесной просьбы и жертвоприношений человек обращается к предкам с просьбой о создании желаемых условий жизни, а благодарные предки, в свою очередь, согласно поверьям, отвечают живым взаимностью. По выражению С. Б. Адоньевой, «отношения между живыми и мертвыми одного рода представлялись как отношения патронажа» [8. С. 105], иначе говоря «умерший становился „родителем“, предком, патро-

нирующим свой род» [8. С. 106]. Поэтому удмурты верили в необходимость контактирования с предками рода в любых религиозных, трудовых и бытовых начинаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полевые материалы автора (далее – ПМА) 2008. д. Дубровский Киясовского р-на УР, информант Анисимова Елена Федоровна, 1968 г.р.
2. ПМА 2009. д. Старая Салья Киясовского р-на УР, информант Павлова Галина Николаевна, 1959 г.р.
3. ПМА 2010. д. Старая Салья Киясовского р-на УР, информант Павлова Галина Николаевна, 1959 г.р.;
4. ПМА 2010. д. Дубровский Киясовского р-на УР, информант Беспалова Антонид Петровна, 1953 г.р.
5. ПМА 2011. д. Дубровский Киясовского р-на УР, информант Анисимова Галина Анатольевна, 1970 г.р.
6. ПМА 2012. д. Дубровский Киясовского р-на УР, информант Никонова Мария Павловна, 1926 г.р.
7. ПМА 2014. д. Оркино Алнашского р-на УР, информант Евсеева Роза Викторовна, 1958 г.р.
8. *Адоньева С. Б.* Символический порядок. СПб.: Пропповский центр: Амфора. ТИД Амфора, 2011. 167 с.
9. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 240 с.
10. *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Ар-год берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. 320 с. (Удмуртская обрядовая азбука).
11. *Ильина И. В., Уляшев О. И.* Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2009. 224 с.
12. *Никифоров Н.* Ёзег веме // Кенеш. 2001. № 5–6. С. 124–125.
13. *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная лит., 2004. 302 с.
14. *Садиков Р. Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологич. исслед. УНЦ РАН, 2008. 230 с.
15. *Ямурзина Л.* Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 218 lk.

Поступила в редакцию 21.02.2014

N. V. Anisimov

Communication with the World of the Dead in the Customs of Mutual Assistance in the Traditional Culture of the Udmurts

The article analyses the peculiarities of communication with the world of the dead in the traditional culture of the Udmurts on the example of three rites of mutual assistance ('korka mis'kon' (lit. 'cleaning the house'), 'kartoshka mertton' (lit. 'planting potatoes'), 'dzazeg vandon' (lit. 'slaughtering geese')). On the basis of field materials and personal observations

of the author specifics and functional aspect of the communication process are determined; cultural codes and gender aspect considered in these rites of traditional culture of the Udmurts are observed.

Keywords: tradition of mutual assistance, Udmurt folklore, communication with the world of the dead, mediator, cult of ancestors.

Анисимов Николай Владимирович,

докторант,

Тартуский университет,

Юликооли 18, 50090, г. Тарту, Эстония

E-mail: kyldysin@yandex.ru

Anisimov Nikolay Vladimirovich

PhD student,

University of Tartu,

Ülikooli 18, 50090, Tartu, Estonia

E-mail: kyldysin@yandex.ru